

Редакция публикует рецензию известного узбекистанского археолога Р.Х. Сулейманова, проявившего большой интерес к очередной работе крупного отечественного китаеведа проф. А.Ходжаева об исторических этапах формирования Великого шелкового пути.

Р.Х. Сулейманов

**Размышления о монографии
А. Ходжаева «Великий шелковый
путь: связи и судьбы»**

Известный синолог и историк Центральной Азии А. Ходжаев в нашей беседе об истории и культуре Китая утверждал, что гидроним р. Хуанхэ (Желтая река) не китайского, а скорее пратюркского происхождения, именовалась она Карамуран, в связи с чем я напомнил, что один из самых древних протоков низовий р. Сырдарья называется «Кувандарья». В периоды половодий по ней тоже текла желтоватая вода. Дело в том, что обе эти реки в верхнем своем течении разрезают мощные рыхлые лессовые отложения предгорий, образованные в ледниковую эпоху. Воды их несут массу растворенной желтой глины, которая отлагается в низовьях рек, создавая обширные дельты. Полноводная Хуанхэ выносит часть отложений в море, что отразилось и в его названии – Желтое море. Известно также, что рыжий степной заяц хунны называли «хуан» или «куян», и Л.Н. Гумилев замечает, что среди гуннских родов самым сильным считался род куян, из него происходили правители гуннов – соперников древнего Китая; заяц был тотемом этой царской династии.

Сулейманов Р.Х., Национальный университет Узбекистана им. М.Улугбека.

Я внимательно слежу за публикациями А. Ходжаева по истории народов Центральной Азии, которые посвящены в основном изучению древнейших корней пратюрков (ранних тюрков) и других народов алтайской языковой группы. Его работы интересны тем, что он привлекает для исследования не переводы, а оригинальные китайские источники.

А. Ходжаев, анализируя сведения о происхождении китайского этноса, его государственности, культуры и истории, приходит к выводу о том, что вся верхняя и средняя часть течения р. Хуанхэ в III тысячелетии до н.э. была населена народами алтайской языковой группы, и только в конце этого периода отдельные родовые группы носителей китайского языка переселились из районов междуречья Янцзы и Хуанхэ в низовья р. Хуанхэ, на ее северный левый берег. Рецензируемая книга играет итоговую роль в исследованиях автора в этом направлении.

Древняя международная континентальная трасса миграций вдоль центральной части Евразии, названная впоследствии Великим шелковым путем (далее – ВШП), обрела особую популярность в наше время в связи с тем, что современные Китай, Япония и Южная Корея превратились в крупнейших акторов социально-экономической жизни не только в границах Евразийского континента, но и в глобальном масштабе. Именно восточная половина этого пути от Центральной Азии до Китая и привлекает внимание А. Ходжаева. Выбор данного отрезка ВШП для изучения был обусловлен большим объемом сведений в китайских источниках и участием автора в узбекско-китайской экспедиции на этом отрезке пути в 2000 г. Его монография была опубликована в 2007 г. на узбекском языке и переиздана на русском языке в 2016 г. в переработанном и дополненном виде.

Многолетними археологическими исследованиями установлено, что от юга Европы и Северной Африки через Ближний Восток и Центральную Азию до долины р. Хуанхэ простирался обширный пояс степей и пустынь, вдоль которых на протяжении эпохи плейстоцена мигрировали животные, за которыми следовали хищники, а затем и первобытные охотники. Это был пояс активных коммуникаций древних людей. В ледниковые эпохи, когда уровень океана понижался на 100-150 м, обнажался Берингов перешеек, объединявший Камчатку с Аляской, достигавший в ширину 1000 км, тогда миграции и ремиграции охватывали Северную Америку. Этими же путями распространялись культуры эпохи палеолита и мезолита. Унаследовали их и создатели древнейших цивилизаций, а также пастушеские и более поздние кочевые народы.

Несмотря на прогрессирующую аридизацию климата в эпоху голоцена, обширный регион Центральной Азии, расположенный в центре этих путей, превращается в один из культурных центров на континенте Евразии. После походов Чингизхана, прошедшего как разрушительный ураган вдоль континентальных дорог ВШП, международная торговля уходит на морские трассы, что приводит к ускоренному развитию приморских стран и великим географическим открытиям. Со временем Центральная Азия, оторванная от активных культурно-экономических связей, превращается в континентальную провинцию Евразии и, как отмечали многие историки, даже титанические усилия Амира Темура уже не могли повернуть вспять установившийся тренд развития мировой истории. Но сейчас, как считает А. Ходжаев, мы являемся свидетелями и участниками возрождения значимости континентального ВШП, в чем заинтересованы не только страны Центральной Азии, но и Европа, и Китайская Народная Республика.

А. Ходжаев утверждает, что активизация морских трасс в XIV-XV вв. от портов стран Европы до китайских портовых городов в значительной степени была обусловлена развитием техники и технологии кораблестроения и мореплавания.

Первая глава монографии А. Ходжаева посвящена истории формирования и развития ВШП. Кратко изложены результаты поездок автора от центральных районов Китая до границ Кыргызстана, где через перевалы древние пути вели в Ферганскую долину; характеризуются древние караванные маршруты; дается оценка современных проектов восстановления этих торговых трасс, наполненных новым содержанием. Так, Кыргызстан предлагает вести будущую железную дорогу не в прежнем направлении, а через Бишкек до городов Ош и Андижан, что намного удлиняет путь и усложняет реализацию проекта. Между тем железная дорога Западная Европа – Западный Китай, идущая вдоль северной трассы, уже существует.

В первой главе также уделено внимание истории шелководства в Китае, насчитывающей почти 6 тысяч лет. Шелковые ткани были самым востребованным товаром, стимулировавшим формирование и развитие ВШП. Приводятся сведения о китайских путешественниках, побывавших в так называемых западных странах. Самым первым среди них стал князь Му (Му-ван), живший на Ордосе и дошедший до Каспия; обойдя его с запада, он вернулся в Чанъань в 989 – 988 гг. до н.э. Археологические следы выходцев из стран Дальнего Востока на территории западнее Памиро-Алая отмечены с III тысячелетия до н.э. на городище Мохенджодаро в долине Инда и Тепе-Гиссар в Иране в

виде черепов и скульптурных изображений, принадлежащих северной монголоидной расе.

Автор приводит сведения о путешествии Чжан Цяна, посланника ранней Ханьской империи, в Фергану, Бактрию и страну усуней; о походе Бань Чао в Кашгарию; о развитии морских трасс и их влиянии на ВШП. В частности, он доказывает необоснованность мнения о том, что ВШП проложил китайский путешественник Чжан Цянь во II в. до н.э., который открыл путь к берегам Амударьи для китайцев, хотя еще в середине I тысячелетия до н.э. китайские шелковые ткани доходили до Европы.

Безусловно, ВШП получил свое название благодаря формированию на Дальнем Востоке цивилизации Китая, где издревле было налажено шелководство, продукция которого прославила Китай.

Вторая глава книги названа «Взгляд на древний Китай». В этой ключевой по своей значимости главе автор на основе глубокого анализа последних разработок китайских историков дает общую картину формирования и развития китайской цивилизации и ее государственности. Выясняется колоссальная роль в этом процессе племен и народов алтайской языковой группы. Известно, что в советскую эпоху в социалистическом Китае проблема этнической и языковой принадлежности множества разновременных археологических культур и их связи с современными раздробленными автохтонными этносами Центральной Азии обычно не рассматривалась. В советское время это могли позволить себе лишь некоторые из выдающихся исследователей, такие как С.В. Киселев, А.П. Окладников и другие. Обычно археологические исследования сводились к описаниям конструкций, слоев, типологии и хронологии находок и обсуждению их археологической культурной принадлежности. Вне сомнений, при этом решающим фактором было отсутствие письменности у народов этого обширного региона, экономика населения которого вплоть до недавнего времени базировалась на пастушеском и кочевом скотоводстве.

Современный междисциплинарный, комплексный и системный подход к проблеме позволяет многое прояснить в этом важном вопросе. Особую значимость в этнической истории народов Центральной Азии в последние десятилетия обретает анализ генома человека. Но при всем этом добросовестный и непредвзятый анализ давно известных источников позволяет внести много нового и важного в историю самого Китая и сопредельных стран и народов. Внимательный анализ самих китайских письменных источников позволил А. Ходжаеву прийти к выводу о том, что первые представители этнических китайцев,

проживавших ранее в районах Центрального Китая, переселяются на левый берег р. Хуанхэ с ее низовий в конце III тысячелетия до н.э.

Согласно А. Ходжаеву, династийная история древнего Китая протекает в тесном взаимодействии разных этнических групп. Автор приводит известную легенду о предводителе племени Гуне, где прямо указывается, что ранее он жил в южных районах правобережья низовий р. Хуанхэ, откуда после конфликта со своей общиной он переселяется на северный берег реки. Гун занимает территорию Ся вдоль р. Фэньхэ, где издревле проживали племена и народы алтайской языковой группы. Род Гуна относился к народам сино – тибетской языковой группы. Сын Гуна Юй здесь впервые создает свое владение Ся, которое считается первым государством в истории Китая, просуществовавшим с XXI по XVI в. до н.э. Земледельцы владения Ся систематически расширяли свои границы за счет земель коренных соседних скотоводов, ассимилируя и вытесняя наиболее непокорных из них. Только к северу и западу от владения Ся располагались земли более 30 крупных и мелких владений автохтонного происхождения. Приводятся и названия их – Куй-фан, Ту-фан, Гуй-фан, Цян-фан, Ма-фан и другие. Впоследствии китайские источники называют их народом «ди» по современному чтению иероглифа. А. Ходжаев отмечает, что использованный для написания иероглиф «ди» в древности произносился «тиек» и был самой ранней китайской транскрипцией этнонима «тюрк» (см. монографию, с. 105-110, 135-136 и др.).

Анализируя китайские источники, автор приходит к выводу о том, что эти племена были предками тюрко-монгольских народов, при их активном участии происходит становление и развитие государственности Китая, что прослеживается и в историческое время. Народы же, располагавшиеся западнее Китая, стали называться «жуны» (древнее чтение «ривем»). Это слово не было этнонимом, а было китайским словом и означало «всадник, воин на коне» (см. с. 101–103). «Фан» означает страна, «ту» – возможно, «тюрк», «гуй» (читается также «куэй») – «солнцепоклонник», «цян» или «кян» – овцевод, «ма» – коневод. Всего было около 30 племенных владений и некоторые из них превосходили по своей территории и количеству жителей само Ся (см. монографию, с. 105).

Со II тысячелетия до н.э. на северо-западных границах Китая упоминаются племена ди, древнекитайское произношение «тиек» (тюрк), позже к западу упоминаются жун, древнекитайское прочтение «ривем», и, как было отмечено выше, это не этноним.

Со временем в китайской традиции сложилось представление о народе хуася – культурных ся, окруженных «варварами»: ди (тиек) –

на севере, меа – на северо-востоке, и – на востоке, цян (кян) – на западе. А. Ходжаев, ссылаясь на китайские письменные источники, убедительно показывает, что из этих племен и народов позже формируются народы тюрко-монгольских языковых групп, которые не только соседствовали с древним Китаем, но и активно вмешивались в его внутреннюю жизнь, периодически покоряя его. Хотя владели и управляли страной династии из кочевых народов, они быстро ассимилировались несравненно большим количеством представителей земледельческого и городского населения Китая.

Весьма показательна в этом отношении история происхождения следующих за Ся династий Шан, Инь и Чжоу. Согласно легенде, которую А. Ходжаев приводит во второй главе, Небо поручило ласточке родить ребенка и послало ее к людям. Женщина по имени Цян ди (древнее произношение «кеан тиек») из рода юсон (древнее произношение «гивэсивэм») проглотила яйцо ласточки и родила сына Цие (Киат). Род цие относится к народу бэй ди («пэк тиек»), т. е. к северным ди. Они обитали в предгорных долинах обоих берегов р. Хуанхэ. После образования государства Ся они вели войны за независимость и в конце концов победили Ся, заняв их земли. Экрем Ахмет считает их предками тунгусов и маньчжур. Новое государство стало называться Шан. Оно просуществовало с 1711 по 1066 г. до н.э.

Через семь веков, когда одряхлевшая династия Инь пришла в упадок, к власти в Китае приходит династия Чжоу, формировавшаяся на юго-востоке Ордоса. Его основателем считается Хоу Цзи (древнее произношение «Йю Тиек»), фамилия Цзи (древнее произношение «Кие»). Его мать Кианьюань из рода киан. Древние Цяны или Кианы, Кяны – овцеводы в верховьях Хуанхэ. Позже их назовут западными жунами. Она была из племени ютай – чжи. Таким образом, мать основателя династии Чжоу происходила из западных племен древних пратюрков. Согласно легенде, она родила сына после того как наступила на следы огромных ног Бога. Это произошло в период Юй (2205 – 2198 гг. до н.э.). Хоу Цзи было поручено развивать земледелие. Когда Шан ослабла, она ушла к жун-ди, т.е. пратюркам. Род чжоу через 12 поколений приходит в противоречие с пратюрками, уходит к правителю Шан и в союзе с ним, воюя с пратюрками, расширяет свои владения. Первый правитель династии Чжоу Ци, объявивший себя ваном, создает государство Западное Чжоу (1066 – 770 гг. до н.э.). В это же время карасукская культура эпохи бронзы Монголии расширяет свои границы, она появляется уже в XII в. до н.э. в верховьях р. Енисей. Возможно, основателям новой династии приходилось долго воевать с ними, которые и были динлинами, т.е. пратюрками конца II тысяче-

летия до н.э. О тесном взаимодействии их свидетельствует и большое сходство материальной культуры Китая этого времени с карасукской культурой. Возможно, эта династия генетически была связана с носителями карасукской культуры. Постепенно Чжоу покоряют государство Шан, при этом пять вассалов последнего признают суверенитет династии Чжоу и в истории Китая начинается период Чюньцю – период весны и осени (см. монографию).

В X – VIII вв. до н.э. в результате климатических изменений, похолоданий и засух раннего железного века, кочевники Центральной Азии приходят в движение. На запад продвигаются наследники карасукской культуры – скифы и сопутствующие им скотоводческие племена и народы. В это же время они проникают и вглубь земель земледельческого Китая, где создают свои мелкие владения. Династия Чжоу терпит кризис и переносит свою столицу из Чанъаня восточнее в Лоян (Лои). Эта эпоха в китайской историографии носит название «Чжань-го», т.е. эпоха Воюющих царств, которая завершается приходом к власти династии Цинь, формировавшейся на юге Ордоса. Ее основатели долго воевали с соседними кочевниками и, используя достижения военного искусства последних, смогли создать со временем первую державу, объединившую весь Китай.

Цинь, сконцентрировав весь потенциал страны, вытеснил далеко на север и запад кочевников и оградился от них Великой китайской стеной, значительно расширив границы Китая. Но она не оправдала надежд: при малейшем ослаблении центральной власти и боеспособности китайской армии кочевники, как и прежде, вторгались в пределы Ордоса и прибрежные районы р. Вэйхэ в надежде вернуть потерянные земли. Систематически повторялись случаи перехода кочевников на сторону Китая или наоборот, продолжалась и политика ассимиляции кочевников китайцами, как и в случае завоевания Китая маньчжурами, когда последние практически полностью оказались ассимилированными китайцами.

Государственность оседлых народов базируется на тотальном контроле и организации оптимальной утилизации всех ресурсов территории в пределах охраняемых границ этого государства, с унитарной, чаще деспотической формой правления.

У скотоводов самой степной полосы складывалась иная ситуация. Этими вопросами на материалах Центральной Азии интересовался Л.Н. Гумилев, который указал на решающую роль экологической ситуации степей на уклад жизни, хозяйство, культуру и исторические судьбы кочевых народов этого обширного региона Евразии. По мере

климатических колебаний, принуждавших скотоводов к поиску более подходящих условий для содержания стад и перехода от придомного к яйлажному, а затем и к кочевому способу, они постоянно мигрировали преимущественно в широтном направлении.

Как известно, козы, овцы и крупный рогатый скот были domestифицированы на Ближнем Востоке в неолитическую эпоху, откуда благодаря систематическим миграциям первых пастушеских племен и народов эти домашние животные в эпоху энеолита распространяются до Дальнего Востока. Пастушеские племена и народы в силу специфики своего хозяйства были обречены, как отмечали древнекитайские источники, постоянно перекочевывать в поисках воды и травы для своего скота. Это было основным условием сохранения и приумножения их достояния и основного богатства – скота. Они постоянно передвигались в пустынных пространствах между оседлыми народами и государствами Евразии, попутно торгуя или грабя их. Как показывают исследования И. Ерофеевой, политические границы для них имели относительную значимость, все это было условно, непостоянно и менялось от случая к случаю. По мере продвижения они меняли свои границы, опираясь на военную силу, при этом не задерживались где-то надолго.

Политические образования носили вассальный, конфедеративный характер и сводились к регулярной и часто символической дани и участию в войнах, которые затевал сюзерен. Более того, у них и власть царя тоже была относительной, в зависимости от способностей и амбиций лидера. Армия собиралась от случая к случаю, государственность локализовалась в ставке наиболее выдающегося лидера и меняла свое местоположение вместе с ним. Все это хорошо известно по структуре управления таких выдающихся правителей средневековья, как Чингизхан и Амир Темур. Последний, даже создав колоссальную империю и возвращаясь в столицу государства город Самарканд, никогда не жил в городе или дворце, он останавливался в загородной ставке.

При наличии множества монетных дворов в крупных городах империи, где чеканилась полновесная серебряная теньга, игравшая роль международной валюты, известны и монеты, где в качестве места чекана указано не название города, а написано – Орду, т.е. монета чеканилась непосредственно в ставке правителя по мере необходимости в походе.

Основной святыней всех кочевых народов были могилы предков, куда их правители стремились вернуться на упокоевание, хотя это удавалось не всегда.

К чести кочевых народов следует отметить, что они сами вполне осознавали разницу быта и культуры между своими и оседлыми народами. Правители из кочевых династий, овладевшие землями оседлых народов, превращались в ревностных строителей городов, храмов и дворцов, поощряли развитие искусства и науки, внося большой вклад в культурное строительство в стране и ее урбанизацию.

Результаты археологических исследований историко-культурного пространства от Средней Азии до Китая, т.е. районов формирования и развития тюркских народов, взаимоотношений их с древним Китаем, показывают, что сложившиеся представления об изолированном развитии самобытной культуры Китая далеки от истинной истории страны. Эти представления об исключительности культуры Китая и его народов навеяны традиционной придворной традицией историографии правителей страны.

А. Ходжаев кратко характеризует историю Китая вплоть до XX в. с точки зрения развития ВШП. Особое внимание уделено истории и предназначению Великой китайской стены с ее заставами и таможенными сооружениями.

Касаясь вопроса о локализации народов и племен, перечисляемых древнекитайскими источниками, автор уточняет, что на обширных степных просторах современного Северного и Западного Китая, Монголии и Южной Сибири выявлены десятки археологических культур самобытного облика с точной хронологией и географическими границами, но неясно, с какими из них можно сопоставить упомянутые в письменных источниках этнонимы.

Автор приводит краткую характеристику археологических культур эпохи неолита, энеолита и бронзы. Он выяснил, что классической земледельческой культуре яншао в бассейне р. Хуанхэ предшествовали более ранние культуры. Они относятся к V-VI тыс. до н.э., это культуры пэйлинган, цышань, лаогуньтай и бэйсинь. Важно, что культура лаогуньтай была расположена выше по реке, где древнейшие китайские источники описывали народы ди и жун как предков древних тюрков. Сама яншао датируется IV-III тысячелетиями до н.э. Люди ее жили в полуземлянках, сеяли чумизу, разводили свиней и собак. Могильники были расположены за пределами поселений. Наиболее богатые подношения находились в женских погребениях, что указывает на матриархальные отношения в обществе.

По мнению С. Кучеры, крупным поселением культуры лаогуньтай было селение Дадивань. Жители его занимались земледелием и разводили свиней. Керамика относится к более ранним образцам керамики яншао, а слой самой культуры яншао на поселении залегал

еще выше [1]. О генезисе этих культур продолжаются споры. Орнамент крашеной керамики яншао китайские ученые выводят из культур Южного Китая, зарубежные специалисты связывают ее генезис с культурами неолитической керамики Средней Азии.

На смену культуре яншао появляется культура луншань, она датируется второй половиной III тыс. до н.э. – первой половиной II тыс. до н.э. Сложилась она как результат крупных инноваций культурных достижений западных районов Центральной Азии в среде носителей культуры яншао. В хозяйстве появляются культивированные сорта пшеницы, ячменя и сорго (гаолян), в составе стад – коровы, овцы, козы. Все это указывает на проникновение земледельческо-хозяйственных достижений на Дальний Восток вплоть до низовий р. Хуанхэ, что могло произойти в результате крупных миграций. Появляются изделия из бронзы. В типологии и технологии серой керамики луншаня обнаруживаются параллели с гончарными изделиями юго-запада Туркмении и Ирана III тыс. до н.э. (автор ссылается на мнение Сверчкова Л. [2]), хотя ближайший на западе район с подобной керамикой находится на юге Синьцзяна. Следует отметить, что, по утверждению китайских археологов, самые ранние памятники культуры луншань находятся в низовьях р. Хуанхэ. Появляется домостроительство на глинобитных платформах. Складывается культовая обрядность, характерная для Китая.

Следует полагать, что пришельцев с запада было немного и, как всегда в подобных случаях, это были в основном мужчины, они быстро были ассимилированы местным населением. Эта культура занимает более обширные территории, чем яншао. Люди яншао принадлежат северной монголоидной расе, древнейшие представители которой известны из верхнепалеолитических слоев чжоукоудяня. Среди населения культуры луншань преобладает этот же тип. В это же время в верховьях р. Енисей развиваются афанасьевская и окуневская культуры, а в районе оз. Лобнор – культура гумугоу, в могильниках которой была найдена т.н. красавица Крурана, захоронение которой по первичному образцу дало 6412 (+/- 117) лет тому назад, но позже датировку скорректировали до 4900 лет (см. монографию, с. 255). Население этих районов европеоидное, но среди синхронного населения окуневской и каракольской археологических культур на Енисее есть уже группы монголоидов [3].

Западнее, в районах Ганьсу (Уйгур, Кенг су), развивается культура шилинься (IV – III тыс. до н.э.), затем ее сменит культура мацзяо, жители которой сеяли чумизу, разводили свиней и овец. Последние появляются здесь раньше, чем сложилась культура луншань.

Орудия труда, как и везде в Китае, – из шлифованного камня. Усопших хоронят в каменных ящиках или деревянных гробах, так же, как на юге Сибири. Есть редкие медные изделия [4].

Неолитические культуры Восточного Туркестана отличаются разнообразием. Близ восточных предгорий Тянь-Шаня много разветвленных стоянок с находками, сходными с гиссарской культурой Таджикистана и неолитом пустыни Гоби. Ранее в этих районах отмечались и находки, сходные с неолитом кельтеминарской культуры, аналогичные материалы характерны и для западных районов Монголии.

Неолит Монголии тоже представлен различными культурами. На юге Гоби вдоль пересохших древних русел много стоянок, есть и многослойные. Находки зернотёрок свидетельствуют о земледелии. Крашеная керамика аналогична находкам из Средней Азии. Неолитические племена Восточной Монголии также знали земледелие, они возделывали просо и ловили рыбу. Найден и каменный лемех от плуга. На стоянке Тамцамбулак найдены погребения в сидячем положении, окрашенные охрой. Антропологический тип – северный монголоидный. Керамика имеет крашенный и рельефный орнамент. Эти материалы сходны с таковыми из Забайкалья и Приамурья [5].

В недрах культуры луншань возникают первые города. Самый важный из них город, открытый на руинах городища Эрлитоу. Он находился на левом берегу р. Хуанхэ, где, согласно легендам, обосновались предки династии Ся. Сначала здесь было крупное поселение, которое позже окружается стенами. Площадь его равна 2,5 x 1,5 км, датируется с 2395 по 1430 г. до н.э. Он считается столичным городом первой в истории династии Ся, которая, согласно исторической традиции, правила с 2205 по 1767 г. до н.э. Сам город назывался Чжэнсюнь. Город продолжал обживаться и в эпоху Инь (XVI – XI вв. до н.э.). Но столица государства Инь (или Шан) находилась близ города Аньяна. Это был более развитый город, здесь помимо прекрасных художественных изделий бронзового литья были найдены и древнейшие образцы китайской письменности. Они были начертаны на панцирях черепах, костях, зафиксированы на литых бронзовых сосудах и относятся ко второй половине II тыс. до н.э. Город служил столицей от эпохи правления Ван Пан-чэна (1401 – 1374 г. до н.э.) до Ван Чжоусиня (1154 – 1123 г. до н.э.). Открыты и другие крупные города этого времени в районах среднего и нижнего течения р. Хуанхэ. Окончательно городская культура Китая формируется при династии Чжоу [6].

К западу от районов культуры луншань на базе упомянутой неолитической культуры мацзяо в эпоху бронзы возникает культура цец-

зя (1890 – 1620 гг. до н.э.). Жители ее наряду с земледелием разводили овец, свиней и коров. Керамика красноглиняная, украшена орнаментом, что указывает на связи ее с гончарными предметами Средней Азии. Есть находки гадательных костей, как в Луншане.

В Восточном Туркестане в эпоху энеолита археологи насчитывают множество локальных археологических культур и их вариантов. Последний обзор их приведен в книге Л. Сверчкова [7], в которой рассматривается гипотеза о среднеазиатском происхождении индоевропейских языков. Автору пришлось поднять колоссальный объем археологического материала по всей Центральной Азии. Особое внимание обращено на изучение обширных засушливых просторов Восточного Туркестана. Автор дает характеристику 9 больших и малых групп локальных культур Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР, исторический Восточный Туркестан) КНР, выделенных Ц. Мэем, но приводит и более раннюю и обобщенную картину трех историко-культурных округов этого региона, предложенных К. Дебэйн-Франкфор, согласно которой на северо-западе СУАР выделяются памятники андроновской традиции. На южной, западной и северо-западной периферии пустыни Такламакан обнаружены памятники культуры Акетала с сероглиняной керамикой.

Третья группа представлена памятниками культуры крашеной керамики, расположенными вдоль края южных отрогов Восточного Тяньшаня и далее к востоку до бассейна р. Хами [8]. Здесь на рубеже нашей эры процветало государство Круран. На его территории западнее оз. Лобнор раскопан могильник Гумугоу (4000-3500 до н.э.). Погребенные относились к северному европеоидному типу и были одеты в костюмы европейского типа, ткани которых были сотканы из овечьей шерсти [9]. А. Ходжаев предположил, что генетически тохарк могут быть связаны с афанасьевской и окуневскими культурами Южной Сибири. Отмечается, что, вероятнее всего, именно носители этой культуры говорили на диалектах т.н. тохарского языка, относящегося к западной группе индоевропейских языков. Далее отмечается, что эта культура в конце II тысячелетия до н. э. распространяется по оазисам Средней Азии, где она известна как культура геометрически крашеной керамики раннего железного века или культура типа Яз 1, а она известна не только в Согде, Бактрии и Мерве. На юге ее влияние простирается до долины Гильменда, а на севере эта крашеная керамика встречается и на поселении Теренкара в Алматы, где она смешана с керамикой карасукской культуры.

Известно, что именно в это время в оазисах Средней Азии проповедовал Заратуштра и складывались тексты «Авесты». Положение о

тохарской языковой атрибуции носителей приходит в противоречие с не менее важным фактом, что «Авеста» была создана не на тохарском языке, а на одном из архаических диалектов иранских языков. Эту проблему А.Ходжаев решает, допуская, что субстратные культуры оазисов Средней Азии носителей т.н. БМАК могли говорить на ранних индоиранских языках, на земли которых осели мигранты из Восточного Туркестана, придя теми же путями, которыми позже прошли известные юэчжи. Автор полагает, что позже, при переходе от стадии Яз 1 к стадии Яз 2, примерно в предмидийское время, носители тохарских языков могли уйти обратно в Восточный Туркестан. В результате на местной почве иранские диалекты автохтонного населения восстановили свой статус, на одном из которых и создавалась «Авеста». Известно также, что на юге Восточного Туркестана проживали саки хотана, которые сопоставлены с народом сэ китайских источников, упомянутых к западу от юэчжей при описании вытеснения последних гуннами во 2 в. до н.э.

Подчеркивается, что население Синьцзяна эпохи бронзы принадлежало различным группам большой европеоидной расы. Отмечается появление представителей монголоидной расы лишь со 2 в. до н.э., т.е. со времени вытеснения юэчжей хуннами из Восточного Туркестана [10]. Сообщается, что изначальная граница между европеоидами и монголоидами и археологическими культурами, тяготеющими к Средней Азии или к Китаю, проходит на востоке Ганьсу и Цинхае, где сложилась контактная археологическая культура Сиба первой половины II тыс. до н.э. [2]. Далее к северу эта граница продолжается вдоль меридиана через центр Монголии, что совпадает и с западной границей распространения триподов – трехногих сосудов, характерных для материальной культуры Дальнего Востока [11]. По этому поводу важны находки петроглифов близ Дуньхуана, где изображены фигуры людей в битреугольном стиле, характерном для искусства IV – III тыс. до н. э. Средней Азии и Ближнего Востока. Западнее изображения людей и животных битреугольного стиля встречаются в сценах петроглифов Сулейман-тау в г. Ош. Там же есть и классическое изображение лабиринта, характерного для эпохи энеолита Европы.

По археологическим материалам юга Сибири установлено, что антропологически население окуневской культуры III – II тыс. до н.э. состояло из разных групп северных монголоидов и южных европеоидов [12]. Последние и могли быть генетически связаны с дравидами долины Инда – создателями культуры Хараппы. Установлены и культурные связи между ними [13]. Позже окуневцы под давлением коне-

водов андроновской культуры в середине II тыс. до н.э. мигрируют в Монголию и Восточный Туркестан, где после этого складывается новая карасукская культура эпохи бронзы. Для материальной культуры характерны конные боевые колесницы, особые типы орудий труда, оружия и украшений карасукского звериного стиля [14]. Отмечаются и связи стиля искусства карасука с окуневским эпохи энеолита. Таким образом, на новой почве при активном участии окуневцев складывается новая карасукская культура. Э.А. Новгородова считает, что карасукцы могли быть динлинами, т.е. предками более поздних тюркских племен, обобщенно именуемых в китайских источниках теле [5].

На востоке Монголии с эпохи неолита развивается автохтонная культура, переходящая в эпоху бронзы в так называемую культуру плиточных могил (Э.А. Новгородова, с. 238-257). Эта культура выходит далеко за пределы востока Монголии, охватывая бассейн верхнего и среднего течения р. Амур на севере и внутреннюю Монголию на юго-востоке. На западе ее границы доходят до пустыни Гоби и Северного Тибета. Население монголоидное. Для могильников характерны прямоугольные погребения трех типов, сложенные из сланцевых плит. Своеобразна типология бронзовых изделий, ножи по форме сходны с карасукскими. Для типологии керамической посуды характерны триподы. Своеобразны сюжеты и стиль наскальных изображений и орнаменты на бронзовых изделиях. Это была культура предков тунгусов и маньчжур. Вероятно, носители карасукской культуры могли быть жунами, а носители культуры плиточных могил – племенами ди китайских источников.

Известно множество заимствований в древнетюркском языке из индоевропейских языков, в том числе и из тохарских диалектов, относящихся к языкам группы кентум, распространенным в Центральной и Западной Европе. А.А. Грицина объясняет это тем, что в годы поражений и скитаний тюрки Ашина нашли приют в горах Гаочана, где вступали в браки с местными женщинами. Гаочан в эту пору был районом распространения тохарских диалектов [15]. Это задокументированный пример тех активных этнических взаимодействий, происходивших к западу от самого Китая в районах Западной Монголии и Восточного Туркестана, в результате которых складывались культура и диалекты древних тюркских народов.

Третья глава монографии А. Ходжаева посвящена истории уйгурского народа и культурному наследию Восточного Туркестана, а также истории культуры. Особое внимание автор обращает на происхождение коренного населения этого края. Он приходит к выводу о том, что самая древняя часть уйгуров была прямыми потомками гузов (огу-

зов), названных в древнекитайских источниках юэчжи (в древнем произношении – «рузие»). А. Ходжаев утверждает, что до III в. до н.э. этноним юэчи писался разными иероглифами, произносимыми «нгоузи» (nguzie). Они были китайскими транскрипциями названия страны Огуз-йер (Земля Огузов).

Установлено, что слово «гузы» было этническим самоназванием древних скифов [16]. Выясняется масса теснейших связей в культуре и языке уйгурских народов, восходящих к карлукской основе.

В четвертой главе монографии А. Ходжаева описаны города и культурно-исторические центры на ВШП, приводятся китайские названия с иероглифами различных времен, их исторические достопримечательности.

Пятая глава монографии посвящена истории торговли на выбранном для изучения отрезке ВШП. Описаны путешествия китайских дипломатов и миссионеров, предметы торговли в виде шелка, коней, чая и фарфора. Охарактеризована дипломатия и торговля государства Темура с Китаем и состояние торговли с Китаем на протяжении XVI-XIX вв.

Шестая глава посвящена истории коренного населения Восточного Туркестана, где рассматривается роль юэчжей и согдийцев на ВШП.

В седьмой главе приведены малоизвестные, но весьма интересные сведения из китайских источников о выходцах из территории современного Узбекистана и соседних стран, оказавшихся в Китае в разные века и оставшихся там на постоянное проживание. Автор приходит к выводу, что важную роль выходцы из Средней Азии сыграли во внутренней жизни Китая. Выявлено влияние экономики, культуры, медицины (в том числе трудов Ибн Сины), искусства и кулинарии стран Центральной Азии на жизнь средневекового Китая.

Таким образом, монография А. Ходжаева «Великий шелковый путь: связи и судьбы» проясняет не только вопросы об этногенезе тюркских народов Евразии, но и позволяет многое понять в истории самого Китая, в том числе его связей с Центральной Азией.

Литература по монографии А. Ходжаева

---

1. *Кучера С.* Археология Китая // Археология зарубежной Азии. – М.: Высшая школа, 1986.
2. *Сверчков Л.М.* Тохары. Древние индоевропейцы в Центральной Азии. – Ташкент: SMI – ASIA, 2012.

3. *Чикишева Т.А.* Новые данные об антропологическом составе населения Алтая в эпоху неолита – бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. I. 2000.
4. *Кучера С.* Указ. раб.
5. *Новгородова Э.А.* Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. – С. 54–74.
6. *Кучера С.* Указ. раб. – С. 318–319.
7. *Сверчков Л.М.* Указ. раб.
8. *Сверчков Л.М.* Указ. раб. – С. 41.
9. Там же. – С. 42–43.
10. Там же. – С. 42.
11. *Новгородова Э.А.* Указ. раб. – С. 247.
12. *Чикишева Т.А.* Указ. раб. – С. 147; *Козинцев А.Г.* Об антропологических связях и происхождении причерноморских скифов // Археология, этнография и антропология Евразии. 3 (3). 2000. – С. 151.
13. *Соколова Л.А.* Окунево и Хараппа – свидетельства контакта // Древние культуры Евразии. – СПб., 1997.
14. *Новгородова Э.А.* Указ. раб. – С. 233-236.
15. *Грицина А.А.* Уструшанские были. – Ташкент, 2000. – С. 31.
16. *Гасанов Г.З.* Чтение исыкской надписи // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. – Астана. 2014.